

И. В. ГЁТЕ О ЕКАТЕРИНЕ II

В течение своей долгой жизни Гёте нечасто произносил имена российских монархов. В XVIII в. Россия интересовала поэта сравнительно мало. Положение изменилось, как известно, в начале прошлого столетия, когда веймарскому наследному принцу сосватали великую княжну Марию Павловну, сестру сначала одного, а затем следующего российского императора. Прошли антинаполеоновские войны. В качестве фактического главы правительства Саксен-Веймарского великого герцогства Гёте много занимался отношениями с Россией, да и культурное значение ее для Европы все возрастало. Тем не менее сказанное выше справедливо в общем и для пожилого Гёте. Он почти не дает характеристик российским монархам, во всяком случае его суждения о них, предназначенные для печати, дипломатичны и в меру комплиментарны. Примером может служить перечисление властителей России в начале жизнеописания художника Ф. Гаккерта, создавшего серию картин для Большого Петергофского дворца. Эта книжка Гёте, изданная в 1811 г., была посвящена Марии Павловне, и стиль сочинения вполне понятен. Так же нейтрально упоминает Гёте в «Путешествии в Италию» (1817) Екатерину II — как могущественную властительницу, заказавшую копии лоджий Рафаэля. Но все эти упоминания обладают, как кажется, неким трудноуловимым подтекстом, который становился явственнее тогда, когда Гёте высказывался перед друзьями и не думал о публикации своих мыслей, по крайней мере в ближайшее время.

В апреле 1829 г. в беседе с И. П. Эккерманом поэт посетовал на то, что столица России расположена в таком опасном месте, как болотистая дельта Невы, тогда как неподалеку имеются удобные возвышенности, и что причиной такого положения города был каприз или даже блажь (Grille) самодержца Петра.¹

Нечто подобное дало себя знать и в суждениях Гёте о современнице — Екатерине II; впрочем, так же судил он и о другой знаменитой политической фигуре его времени — о Фридрихе Прусском. В самом начале литературного пути, только что создав «Вертера», молодой «бурный гений» пишет сатирическую шутку в духе кукольных представлений и балаганных комедий — «Ярмарка в Старьевке» («Das Jahrmarktsfest zu Plundersweilern», 1774). Там рыночный шарлатан, зазывая публику, похвально:

¹ См. *Эккерман И. П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни / Пер с нем Наталии Ман Ереван, 1988 С 318—319*

Не стану показывать вам аттестатов
Императрицы народа русского,
Фридриха, короля прусского
И прочих европейских потентатов ²

Появление имен самых могущественных «потентатов» в сатире, написанной «уличным» слогом и полной персональных намеков, говорит о *granum salis*

Почти через шестьдесят лет, в «Поэзии и правде» (кн 17, 1830) Гёте высказался наиболее пространно о Екатерине, но и сквозь всю дипломатичность проступила в этом тексте старая «соль» Отдав должное Екатерине и Фридриху как крупным личностям, поэт написал далее о российской императрице

«Екатерина, великая женщина, сама признавшая себя достойной престола, предоставляла высокоодаренным³ людям полный простор для расширения могущества их властительницы, — а так как происходило это за счет турок, которым мы за презрение к нам щедро платим тою же монетой, то даже когда эти нехристи гибли тысячами, считалось, что человеческих жертв не было»⁴

В этих словах помимо прочего — печальный опыт русско-турецких войн, сражений при Чесме, Очакове и Измаиле. Но здесь присутствует и более общая оценка, относящаяся не только к Екатерине, если припомнить отношение Гёте также и к Петру. Не выраженная прямо, она согласуется тем не менее с неприятием крепостного рабства и деспотического правления, распространившимся к концу XVIII в в части немецкого общества, настроенной антифеодално. Наступило разочарование в искренности просветительских намерений Екатерины. Это настроение пережили и И. Г. Гердер, и Ф. Шиллер, и другие близкие Гёте люди⁵. Путь от восторженных надежд до признания России страной рабства проделал друг юности поэта И. Г. Мерк, послуживший прототипом его Мефистофеля. Еще в 1773 г Мерку довелось побывать в Петербурге, откуда он послал Гёте несколько писем, к сожалению, не сохранившихся. Но резко отрицательное отношение Мерка

² *Geme И В* Собр соч В 13 т Юбил изд М, Л, 1932 Т 2 С 156 (пер М Лозинского) При постановке «Ярмарки» в Веймаре в 1778 г Гете исполнил роль этого Шарлатана. См также *Демченко В Д* Фарс в эстетической борьбе периода «бури и натиска» (Гете, Вагнер, Ленц) // Гетевские чтения, 1993 М, 1994 С 103—121

³ В подлиннике — игра слов «hochbegünstigt» означает также и «высочайше обласканный»

⁴ *Geme И В* Собр соч В 10 т М, 1976 Т 3 С 597 (пер Наталии Ман)

⁵ В последней четверти XVIII в в немецком общественном мнении сложилось довольно стойкое представление о Российской империи как об оплоте реакции и агрессии, полностью подчиненное самодержавной воле. Обзор суждений см в статьях в кн *Russen und Rußland aus deutscher Sicht 18. Jahrhundert Aufklärung / Hrsg von M Keller (Westöstliche Spiegelungen / Hrsg von L Kopelew Reihe A Bd 2) München, 1987 S 29, 331, 382, 420—421, 454, 481—483*

к российским порядкам известно из других его писем и печатных выступлений⁶ А влияние друга на него было признано самим Гёте⁷

Кончина Екатерины II вызвала два замечания поэта. Одно из них было почти современным событию. Приблизительно через месяц после смерти императрицы, 9 декабря 1796 г., Гёте сделал приписку в своем письме Ф. Шиллеру: «Пишут, что Екатерина тоже наконец-то сошла с трона в могилу»⁸ За этим «тоже наконец-то» можно предположить и отклик на своего рода смену поколений в правящих домах Европы (в 1786 г умер Фридрих II, в 1790 — Иосиф II, несколько раньше умерла его мать и соправительница австрийская императрица Мария Терезия; наконец, в 1793 г. революция казнила Людовика XVI), однако — как нередко случалось — суждение Гёте могло иметь еще один уровень смысла: не близок ли конец и российского самовластия, столь откровенно косного в предсмертные годы Екатерины? О Павле пока еще нет речи.

Другое суждение, несомненно более позднее, Гёте вложил в уста своему Мефистофелю во второй части «Фауста», в сценах «Классической Вальпургиевой ночи». Упрекая Фауста в тщеславии, его спутник напоминает ему:

Славнейший из царей едва глаза закрыл, —
Уж псы к нему бегут мочиться на могилу

И вот пример:

Семирамида! В мире и войне
Она ль судьбу полмира не решала?⁹
И не была ль она на склоне дней вполне
Такой же славною, как с самого начала?⁹
И что ж? Едва судьбой ей нанесен
Удар был тяжкий, неминуемый, —
На гроб ее со всех сторон
Слетелися нелепых сказок тучи!⁹

Мефистофель внешне почитателен по отношению к умершей государыне, «северной Семирамиде». Но черт не может не быть ироничным: описанная им ситуация вполне укладывается в горькую констатацию пророка Исайи: «В преисподнюю низвергнута гордыня твоя со всем шумом твоим; под тобою подстилается червь, и черви — покров твой» (14 : 11).

Этот фрагмент не вошел в печатный текст «Фауста», оставшись в так называемых «Исключениях» («Паралипомена»),

⁶ См *Graßhoff H* Johann Heinrich Merck und Rußland Neues und Unbekanntes zur «Réponse à cette question» // Weimarer Beiträge 1978 H 10 S 177—185

⁷ В «Поэзии и правде» (ч 3, кн 13)

⁸ Der Briefwechsel zwischen Schiller und Goethe Briefe der Jahre 1794—1797 Leipzig, 1984 Bd 1 S 277 (Brief Nr 253)

⁹ *Гете И В* Фауст / В пер Николая Холодковского Пг, 1914 Т 2 С 140 См также *Zabel E* Goethe und Rußland // Jahrbuch der Goethe-Gesellschaft Weimar, 1921 Bd 8 S 31

как остался до поры в рукописи и другой отрывок из той же трагедии, где, по нашему мнению, также подразумевается российский абсолютизм, если не непосредственно Екатерина II. Отрывок относится к «Вальпургиевой ночи», не «классической», а германской, находящейся в первой части произведения.

Мефистофель и Фауст попадают, как все помнят, на шабаш, происходящий на горе Брокен, или Блоксберг, на Гарце. В стилистике этих фантастических сцен Гёте смело соединил средневековую книжную магию, народные предания и опробованный им еще в юности карнавальным стилем «низкой» пародии и сатиры. На вершине горы восседает сам Сатана, и к нему, пародируя придворный этикет, подводят новопривывших гостей. Одна из таких интермедий осталась недоделанной, но смысл ее в общем понятен.

Некто, обозначенный в гётевском черновике как «Икс», удостоивается аудиенции. Сторонник демократии и всяческой свободы, он тем не менее польщен высочайшим к себе вниманием:

И если здесь свободу нам дарят,
И быть вполне открытым я дерзаю, —
Тогда, хоть я душой и демократ,
Тебе, тиран, я когти лобызая!¹⁰

Церемониймейстер (облик которого принял, очевидно, Мефистофель, как он будет менять обличья во второй части «Фауста») возражает на это, поясняя, что ритуал предписывает лобызать вовсе не когти, а «часть заднюю владыки». Наш демократ, не обинуясь, тотчас же произносит маленькую восторженную оду на сей предмет. Иронии Гёте нет предела, хотя неизвестно, кого именно поэт имел в виду в этом случае. «Икс» становится почти вневременным символическим обобщением политического ханжества и прозелитизма.

Сатана констатирует с удовлетворением:

Vasall, du bist erprobt!
Hierdurch beleh' ich dich mit Millionen Seelen
Und wer des Teufels Arsch so gut wie du gelobt,
Dem soll es nie an Schmeichelphrasen fehlen,¹¹ —

т. е., в нашем переводе:

Вассал, ты преуспел!
За то мильоны душ даю в твое владенье
Уж если чертов зад так нежно ты воспел,
То пой и впредь начальство в восхищенье

Дар Сатаны двусмыслен. Можно истолковать его как расширение лакейских качеств, свойственных «Иксу», на

¹⁰ *Götte И В Фауст / В пер Н. Холодковского Т 2 С 121*

¹¹ *Goethes Werke / Hrsg im Auftrage der Großherzogin Sophie von Sachsen Weimar, 1887 Bd 14 S 309*

миллионы человеческих душ Так сильно изменился европейский мир за пятнадцать лет, прошедших с тех пор, как Шиллер призвал в оде «К Радости» *миллионы* объединиться в братский союз любви и свободы! Однако сама формула дарения (в оригинале — не без элементов канцелярского стиля) подсказывает и другой смысл Властитель, щедро раздаривающий любимцам и льстецам «души» подданных, это для европейца конца XVIII в (фрагмент написан не позднее рубежа веков) почти наверное самодержец всероссийский; о Павле знали все-таки меньше, чем о его матери, чей образ давно уже сформировался И если также принять во внимание, что немецкая калька русского термина (крепостная) «душа» была известна внимательному читателю в Германии,¹² то в реплике гётевского Сатаны возникает, пусть намеком, образ все той же Екатерины II

Дважды — в начале творчества и на самой его вершине — Гёте задел репутацию Екатерины II приемами фарса, народной сатиры, приоткрыв к тому же в «Поэзии и правде» причину своей неприязни к российской императрице Возможно, даже не личность ее была ему неприятна, а тот принцип деспотизма, на который опиралась власть российских монархов, принцип пренебрежительного и жестокого отношения к человеку Перед лицом самовластия Гёте ощущал себя человеком из народа, гуманистом, отстаивающим внутреннюю и гражданскую свободу личности

¹² Например, Л Г фон Николаи, секретарь и библиотекарь цесаревича Павла, а затем президент Петербургской академии наук, в оде «Императрице Екатерине II» («An die Kaiserinn Katharina II», 1792) упоминал (правда, как преувеличение), что в России человеческая душа (die Menschenseele) может продаваться за сто рублей (см Keller M Deutsche Loblieder auf das Zarenreich (T G Hippel, J G Willamow, H L Nicolay) // Russen und Rußland aus deutscher Sicht 18 Jahrhundert Aufklarung S 511)